

Шмуэль Йосеф Агнон. «Из книги деяний» ДРУЖЕСТВО

Моя жена вернулась издалека, и я обрадовался ей чрезвычайно. Но капля горечи подмешалась в мою радость: а вдруг придут соседи и станут мне докучать. Я сказал жене: давай пойдем к такому-то или такой-то, ведь если они к нам придут, мы не скоро от них отделаемся, а если мы к ним придем, побудем немного и распрощаемся, когда захотим.

Мы поскорей собрались и отправились к госпоже Клингель¹. Поскольку госпожа Клингель была у нас частым гостем, мы направились прежде всего к ней.

Госпожа Клингель когда-то была знаменита: до войны она руководила школой, а когда порядок в мире переменился, лишилась былого величия и сделалась простою учительницей. Но она по-прежнему держалась с подчеркнутым достоинством и разговаривала покровительственным тоном. И если кто-нибудь обретал известность, она спешила сблизиться с этим человеком и становилась своей в его доме. Моя жена познакомилась с нею еще в бытность ее директором, а потому госпожа Клингель старалась почаще видаться с моей женой, как и со всяким, кто знал ее в лучшие времена. Она относилась к моей жене с преувеличенной приязнью и даже называла по имени. Я тоже был знаком с госпожой Клингель еще с довоенного времени, но едва ли мне довелось хоть раз говорить с нею.

Госпожа Клингель лежала в постели. Чуть поодаль, на бархатной кушетке, сидели три ее подруги, мне не знакомые. Войдя, я поздоровался с каждой из них в отдельности, но не назвал и их имен тоже не удосужился разобрать.

Госпожа Клингель улыбнулась нам и по своему обыкновению продолжала болтать. Я поджал губы и подумал: правду сказать, мне ее упрекнуть не в чем, но она мне в тягость. Ибо когда я выхожу из дому, не имею ни малейшего желания, чтобы меня кто-нибудь заметил, а тут вдруг появляется мне навстречу эта дама и я осведомляюсь о ее здоровье, и вот – течение моих мыслей прервано. Неужто из-за того, что знал ее несколько лет назад, я на всю жизнь обречен числиться в ее приятелях? Раздражение закипало во мне, и я не подумал: если тебе повстречался человек, с которым у тебя нет никакой видимой связи, значит, ты не разделался со своими прежними долгами, и вот вы снова встретились в этом воплощении, чтобы ты мог исправить положение и загладить свою старую вину перед этим человеком.

Пока я так сидел и сердился, госпожа Клингель сказала моей жене: вот ты, голубушка, уехала, а твой муж тем временем развлекался. Говоря так, она указала на меня пальцем и, смеясь, добавила: я не стану сообщать вашей жене, что к вам вечерами навевывались хорошенькие девушки.

Как далеки были тогда от меня какие бы то ни было развлечения! Даже во снах не являлось мне ничего утешительного, и вот приходит эта

¹ Клингель (*идиш*) – здесь: «пустозвон».

дамочка и заявляет жене: к твоему мужу наведывались красотки, и он приятно проводил с ними время. Ярость обуяла меня, все мое естество словно ожгло пламенем. Я вскочил и принялся честить ее на чем свет стоит, сыпал оскорбительные слова ей в лицо, не зная удержу. Коспожа Клинель и жена смотрели на меня с изумлением. Я и сам себе удивлялся, ведь госпожа Клингель всего-навсего пошутила, зачем же сердиться да еще и оскорблять прилюдно? Но сердце мое негодовало и какое слово ни слетало с моих уст – все оскорбление и поношение. В конце концов я схватил жену под руку и ушел не простившись.

Уходя, я наткнулся на трех подружек госпожи Клингель и вроде бы услышал, как одна из них сказала: странные шутки шутит госпожа Клингель.

Жена следовала за мной молча. По ее молчанию я догадался, что она огорчена. И даже не столько тем, что я осрамил госпожу Клингель, сколько тем, что рассердился и утратил над собою власть. Но из любви ко мне она молчала и ни в чем меня не упрекнула.

Так мы шли и молчали. Попались нам навстречу трое. Двоих я не знал, а третий был мне знаком. Он был некогда учителем иврита, затем отправился за границу и там разбогател, а теперь вернулся и строчит статью за статью во всякие журналы. Такие вот учителя, даже когда их ученики вырастают, по-прежнему относятся к ним, словно меламед к желторотому юнцу, и поучают их даже в мелочах. Однако в одной из его статей я нашел нечто весьма достойное и, раз уж мы встретились, сказал ему об этом. Лицо его засветилось, и он представил меня своим спутникам, один из которых был членом польского сейма, а другой – братом одной из подруг госпожи Клингель, но может быть, я спутал, и нет у нее никакого брата.

Следовало расспросить почтенных гостей, как им понравился наш город и тому подобное, но жена устала с дороги, вдобавок была огорчена, и ей было трудно долго стоять. Я постарался сократить беседу и распростился с ними.

Жена меня не дождалась и пошла вперед, но я не сердился. Молодой женщине трудно оставаться на людях, когда она утомлена и опечалена.

По дороге я сунул руку за пазуху, вынул письмо в конверте, остановился и начал читать. Испытание Иова по сути не Иова испытывало, а Всевышнего Пресвятого, Который предал Своего верного раба в руки Сатаны. Иначе говоря, испытание Всевышнего тяжелее испытания Иова: был у Него один чистый и честный человек, а Он отдал его на милость Сатаны. Прочитав написанное, я разорвал конверт и письмо, а кусочки развеял по ветру, как я обычно поступаю с письмами, иногда еще не читая их, иногда во время чтения.

Сделав так, я сказал себе: надобно отыскать жену. Тут всякие мысли одолели меня, я сбился с пути и неожиданно очутился на совершенно незнакомой улице. В той улице не было ничего такого, чего не было бы в других улицах, и все-таки я был уверен, что никогда здесь не бывал. В тот час все магазины были уже закрыты и маленькие лампочки светились в них посреди всевозможных товаров. Я понял, что удалился от дома и мне нужно идти иным путем, да только не знал, каким. Я посмотрел на лестницу,

огражденную с обеих сторон железным забором, взобрался вверх и очутился возле цветочного магазина. Там стояла небольшая группа людей; повернувшись спиной к цветам, они внимали доктору Ришелю², который рассказывал им о своих новых изысканиях в лексике и грамматике. Я поздоровался с ним и спросил, как пройти к... Не успел произнести название улицы, как забормотал что-то нечленораздельное. Я помнил название улицы, но слова застревали у меня в горле.

Не трудно вообразить себе состояние человека, который хочет отыскать путь к себе, а когда собирается спросить, не в силах вымолвить нужного слова. Но я совладал с собой и притворился, что пошутил. Холодный пот прошиб меня, и то, что я хотел скрыть, сделалось явным. Когда же я вновь отважился задать свой вопрос, все случилось, как в первый раз.

Доктор Ришель кипел от возмущения: он был посередине лекции о своих открытиях, но тут пришел я, и все пошло на смарку. Слушатели его понемногу разошлись, а уходя посматривали на меня и усмехались. Я огляделся. Силился вспомнить название своей улицы и не мог. То мне казалось, что улица Гумбольдта, то что улица Маарав³. Когда ж я открыл рот, чтобы спросить, понял, что не Гумольдта и не Маарав вовсе. Я сунул руку за пазуху – может, найду там письмо и увижу свой адрес. И действительно обнаружил два письма, которые еще не успел порвать, но только одно из них было послано мне на старую квартиру, где я больше не живу, а другое – до востребования. Лишь одно письмо получил я на свой новый адрес и совсем недавно собственными руками изорвал его в клочья. Я стал перечислять по памяти названия городов и городишек, имена царей и великих людей, мудрецов и поэтов, деревья и цветы – все возможные названия улиц – вдруг вспомню название своей. Но так и не вспомнил.

Терпение доктора Ришеля истощилось, и он начал ковырять землю носком ботинка. Подумалось мне: у меня беда, а он только и ждет, как бы от меня отделаться, нет, не друзья мы, не люди мы, разве можно бросать человека в такой беде. Сегодня моя жена вернулась издалека, а я не могу к ней попасть, и всего-то из-за такой малости – просто забыл название улицы, на которой живу. Доктор Ришель сказал: садитесь со мной в вагон и поедем вместе. Я спросил себя: отчего он дает мне совет, от которого мне не будет толку? Но он схватил меня за руку и втащил за собой.

Я ехал не по своей воле и думал: зачем это Ришель впихнул меня в трамвай? Ведь он не только не привезет меня к дому, но увезет еще дальше. Тут я вспомнил, что видел во сне, как Ришель боролся со мной, и тут же выскочил из трамвая, оставив его одного.

Я выскочил из трамвая и оказался рядом со зданием почты. Пришло мне на ум узнать там свой адрес. Но сердце мое меня вразумляло: будь осторожен, как бы почтовый служащий не принял тебя за сумасшедшего, ведь здравомыслящий человек знает свое место. Отыскал я там какого-то

² Ришель (*иврит*) – «сделал халатно».

³ Улица Гумбольдта указывает на Германию, а улица Маарав (*иврит*) – «Запад» – соединяет Землю Израиля и Европу в нерасторжимое единство личной биографии автора и, видимо, его героя.

господина и попросил, чтобы он вместо меня обратился к почтовому служащему.

Тут на почту вошел толстяк, одет с иголки – страховой агент, как видно, – потер самодовольно руки и прицепился к тому господину и прервал его на полуслове. Ярость захлестнула меня, и я сказал: экий вы невежа! Два человека беседуют друг с другом, а вы непрошено вклиниваетесь между ними! Я знал, что повел себя некрасиво, но я спешил, и мне было не до правил хорошего тона. Посмотрел на меня агент с недоумением, словно хотел сказать: разве я сделал вам что-нибудь плохое, что вы меня так осрамили? Я знал, что если промолчу, выйдет, будто он прав, и снова закричал: мне домой надо, я ищу свою квартиру, я забыл название своей улицы и не знаю, как доберусь до жены. Он и привлеченные звуками моего голоса люди принялись усмехаться. Тем временем почтовый служащий затворил окошечко и ушел, а я так и не узнал своего адреса.

Напротив здания почты расположилось кафе. Там я увидел господина Иакова Цорева⁴. Господин Иаков Цорев некогда работал в банке в другом городе, и я был знаком с ним еще до войны. Когда я уехал из Страны Израиля, он узнал, что я нуждаюсь, и выслал мне денег. С тех пор, как вернул долг, я ему не писал. Я говорил себе: не сегодня – завтра вернусь в Страну Израиля и навещу его. Прошло двадцать лет, а мы так и не встретились. Теперь, заметив его, я поспешил в кафе, обхватил сзади за плечи, с радостью погладил их и позвал его по имени. Он обернулся и ничего не сказал. Я спросил себя: отчего он молчит? Почему не выказывает мне никаких знаков дружества? Разве он не видит, как он мне дорог, как я люблю его?

Какой-то парень прошептал мне: мой отец слеп. Глянул я и увидел, что он слеп на оба глаза. Трудно мне было не радоваться встрече с другом и трудно было радоваться встрече с ним, ибо когда я расстался с ним и уехал за границу, глаза его был зрячи, а теперь они померкли.

Я хотел расспросить его о здоровье жены, о нем самом, а начал говорить – и стал рассказывать о своей квартире. Две морщинки появились у него под глазами, и казалось, что он смотрит из них. Вдруг он пошарил руками и наклонился к сыну: этот господин был моим другом. Я кивнул и добавил: верно, я был вашим другом, и я остался вашим другом. Но ни слова отца, ни мои слова не произвели на сына никакого впечатления, он меня словно не замечал. По прошествии малого времени господин Цорев сказал сыну: пойдя, помоги ему отыскать дом. Парень поднялся и помедлил минутку. Видно было, что ему нелегко оставить отца одного. Наконец поднял глаза и посмотрел на меня. Засветились его добрые глаза, и я увидел себя стоящим возле дома.

Перевела с иврита Зоя Копельман

⁴ Цорев (*иврит*) – обжигающий; возможно, перевод арамейского «цорва», которое встречается в других произведениях Агнона в смысле «еврейский мудрец, знаток еврейских законов». Иаков – первоначальное имя Израиля, как бы второе собирательное имя еврейского народа.